

Сергей ЧОНИШВИЛИ: «Моя карьера – глинная яркая молодость»

С НЕБА ЗВЕЗДОЧКА УПАЛА

Творчество Сергея Чонишвили не сводится к какой-то одной ипостаси. Кто-то запомнил его в роли оболстителя Вольдемара Шадурского из «Петербургских тайн», кто-то припомнит «перестроенный» еще «Курьер», где Сергей блистательно сыграл один из эпизодов. Автору сих строк глубже всего запал в душу казацкий хорунжий Зуров из фильма «Азазель». Скоро многие зрители увидят Сергея в главной роли в мелодраме «Любовники», которая снимается в Ярославле. Нам удалось поговорить, когда между съемками сцен в кинотеатре «Волга» (мы писали об этом в номере от 14 февраля) случилась небольшая пауза.

СТИЛЬ НЕ МУЗЫКИ, НО ЖИЗНИ

– Сергей, вы любите называть себя «дитем недоразвитого социализма». И, как правило, не жалуете во время в своих оценках. А каковы ваши ощущения сегодня, когда возвращаться в это время приходится волею сценария?

– Да нормально! Даже очень здорово – я же это время застал и прекрасно в нем ориентируюсь.

– А как же ваши высказывания?

– Поймите, я полемизирую с теми людьми, которые в том времени запомнили колбасу за два рубля двадцать копеек, водку по три шестьдесят и молоко за двадцать восемь копеек. Которое, кстати, купить можно было только с открытием магазина и которое нужно было вскипятить в течение двух часов – иначе оно скисало. И в том времени было немало доброго – только те, кто до сих пор мечтает о дешевой водке, этого напрочь не помнят... Вообще самая главная наша беда – категоричность, стремление красить мир либо белым, либо черным. Либо – красным. Мы все время забываем, что мир многоцветный и многополярный. Поэтому я в последнее время, оставаясь человеком православным, все больше нахожу, что мое мировоззрение ближе к буддизму. Там нет однозначности, которая часто расцветает фундаментализмом. Буддизм может обозначить проблему, но не будет присваивать себе монополии на право окончательного знания того, как ее решать. Заметьте, только буддисты не вели религиозных войн.

– Жанр «Любовников» – мелодрама. Народ этим жанром перекормлен в телесериалах – но и «прикормлен» тоже. Выбор именно этого жанра – возможность сыграть на конъюнктуре?

– Наоборот, желание вернуть жанру чистоту. Настоящих мелодрам в России не снимали и не показывали давным-давно. Сериал волей-неволей должен быть смешением жанров – одними только мелодраматическими ходами внимание зрителя не удержишь. Это неизбежно отражается на художественных достоинствах фильма. Мы же делаем картину, в которой за полтора часа не появляется ни одного киллера, ни одного «мента», не звучит ни одного

выстрела... Только человеческие души и чувства.

– Как известно, вы на все руки мастер...

– А что имеется в виду под словами «на все руки мастер»?

– Известно, что ваш творческий потенциал не исчерпывается одной только ак-

все что угодно может быть завтра!

– И конечно, это будет джазовый альбом. Какой стиль джаза мог бы быть, если бы этот проект записывался сегодня?

– Наверное, что-то в русле кула или би-бопа... Отталкиваясь от Дейва Брубека, Джо Паркера, Пола Гэтмена... Вообще джаз (я уже неоднократно это говорил) стиль не музыки, а жизни. Когда один звук зовет за собой и совершенно неизвестно, чем отзовется в финале.

ЧТОБЫ НЕ СТАТЬ «ЖМУРИКОМ»

– Сегодня, при вашей востребованности и загруженности, что вас больше всего пугает в перспективе?

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

терской составляющей. К примеру, вы пишете книги, причем делаете это с пугающей скоростью. Сейчас идет создание очередной книги – какой по счету?

– Две уже опубликованы, и сейчас пишу третью. Я не берусь судить о том, как обстоят дела у моих коллег, но для меня возможность писать – род психотерапии. Всегда остается что-то невысказанное со сцены и недоснятое в кино. Что-то такое, что хочется сказать лично от себя. И я делаю это путем своего «вползания» в литературу.

– Тогда уж имеет смысл рассказать о и третьей вашей музе. В спектакле «Псих» вы сами играли девять джазовых номеров на фортепьяно, чем подтвердили – у вас действительно были хорошие учителя в музыкальной школе. Нет ли планов записать собственный альбом?

– Рабочих планов нет, но совсем исключать такую возможность нельзя. Сегодня я в большей степени слушатель, чем музыкант, а завтра... Да

– Больше всего боюсь остановиться...

– Но нельзя же разгоняться до не ведомого никому предела.

– Я недавно разбавил общество тех, «кому за сорок», и теперь могу планировать свое будущее не как далекую абстракцию, а совершенно ответственно. Думаю, что еще лет сорок пять проживу в своем сегодняшнем режиме, а потом как-нибудь изменю стиль жизни. В общем, планирую яркую и затяжную молодость и короткую, но веселую старость.

– Расскажите, пожалуйста, о самом ярком эпизоде вашей творческой карьеры...

– Самый яркий – это, очевидно, спектакль «Игра в жмурики». Ему уже тринадцать лет, и если бы не он, вряд ли сегодня вы вели бы разговор с актером Сергеем Чонишвили. На переломе эпох я жил настолько тяжело, что подумывал о смене профессии: в девяносто первом – девяносто втором я не то чтобы голодал, но вынужден был экономить даже на продуктах. И тот спектакль меня фактически спас. А смеш-

ной эпизод был во время спектакля «Жестокие игры». После него меня провожали в армию. По сценарию я выпиваю стакан воды. Но заботливые коллеги умудрились подменить жидкость, и мои проводы практически начались прямо на сцене. То есть спектакль плавно и незаметно перетек в само торжество.

– Вот кстати: еще никому вы не рассказывали, как протекала ваша служба. Какие войска, звание, в общем, в каком полку служили?

– Я служил в театре Советской Армии. Это был такой симбиоз стройбата и художественной самодеятельности. Наш день начинался в семь, заканчивался около полуночи, и в течение его мы могли заниматься всем, чего душа пожелает. За это время я «стоптал-

ся» в области позвоночника на полтора сантиметра.

– Работая по специальности – да такие травмы?

– Так ведь мы же были не только актерами театра Советской Армии, но и рядовыми Советской Армии. То есть рабочими сцены, монтерами, дворниками... Это не мешало нам по вечерам работать еще и на двух сценах (в театре Советской Армии две сцены – большая и малая).

– Вы снимаетесь в кино, озвучиваете массу ролей, играете в театре, пишете книги, профессионально играете на роле и разбираетесь в музыке... Откуда берете время?

– Мало сплю. Четыре – шесть часов в сутки. И вообще, имею специфический график отпусков: 1992, 1996, 1999 годы. И еще дней десять отдохнул пару лет назад.

– Тогда откуда берете энергию?

– Профессия диктует, что нужно делать. Она же позволяет находить для этого силы.

Беседовал
Анатолий КОНОНЕЦ.